

УДК 348.71

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В.Ю. Лебедев*, А.М. Прилуцкий**

*ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

**ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург

Религиоведческая экспертиза является сравнительно новым направлением экспертной деятельности. Этим обусловлено отсутствие разработанной научно-методологической базы религиоведческой экспертизы, которое часто приводит к росту субъективности исследования и порождает «войну экспертиз». В целях развития научности и объективности религиоведческой экспертизы авторы предлагают использовать многоуровневый источниковедческий анализ, который, с учетом специфики материала, позволит обосновать репрезентативность и надежность используемых источников. Сделаны конкретные предложения в области методики экспертизы, которые связаны с использованием комплексного подхода, учитывающего данные социологических и социопсихологических исследований.

Ключевые слова: религия, экспертиза, источниковедение, юридическое религиоведение, деструктивная деятельность.

Религиоведческая экспертиза относится к числу относительно новых направлений экспертной деятельности. С этим связано явно недостаточное методологическое обеспечение религиоведческой экспертизы, зачастую приводящее к сложностям верификации заключений экспертов, субъективизму и, как следствие, к дискредитации всего института религиоведческой экспертизы. Наверное, ни одно из направлений современной экспертной деятельности, за исключением экспертиз по делам об экстремизме, сегодня не является столь спорным. Субъективизм религиоведческой экспертизы является следствием ее методологической необеспеченности и, в свою очередь, способствует политизации экспертной деятельности.

Это порождает своеобразный феномен «войны экспертиз», который запускает мощный информационный каскад, поляризующий научно-экспертное сообщество, как мы это видим на примере «кейса Ларисы Астаховой» – эксперта-религиоведа, подготовившего экспертное заключение по делу Саентологической церкви Москвы, на основании которого суд принял решение о ликвидации религиозного объединения «Саентологическая церковь Москвы» [3]. Экспертиза Л.Е. Астаховой стала поводом для горячих дискуссий среди религиоведов, причем быстро сформировались лагеря сторонников и противников, накал дискуссии часто велся на грани этически допустимого, в чем, справедливости ради нужно

отметить, преуспели противники Астаховой. Достаточно дорогая и жестко режиссируемая компания, направленная на дискредитацию эксперта, велась методами диффамации, причем она показала как неутешительное состояние научной отрасли, так и крайне низкие моральные стандарты, которых придерживались деятели, поставившие целью любыми методами защитить московских саентологов. По мнению религиоведа Раиса Сулейманова, ««кейс Ларисы Астаховой» раскрыл и ярко продемонстрировал такое явление как академическое насилие. Под академическим насилием понимается осознанная травля специалиста со стороны некоторых его коллег, продиктованная идеологическими расхождениями во взглядах или материальной заинтересованностью со стороны оппонентов подвергаемого диффамации специалиста» [4]. Таким образом, нерешенность методологических проблем религиоведческой экспертизы из научной и научно-общественной проблемы становится проблемой этической, затрагивающей сферу межличностных отношений в ученом сообществе и провоцирующей идеологизацию научного дискурса, негативно влияющую на соответствие исследований критерию объективности.

В то же время простые ответные меры, например ограничение доступа к информации о личности эксперта, проблемы не решат, тем более они малонадежны в условиях нарастающей информатизации общества и потребуют заметного усложнения всей юридической процедуры, связанной с затребованием экспертизы и ее предоставлением. Требуется именно методологическая ревизия ряда моментов. Что не снимает при этом вопроса о защите эксперта, его личности, репутации, в том числе и деловой, информационного облика. Реалии информационного общества делают эти вопросы совершенно неизбежными, старые модели перестают быть достаточными.

Методология экспертной деятельности представляется трехуровневой по содержанию: первый уровень составляют знания из той области, к которой принадлежит рассматриваемый объект. Требуется полное, свободное знание, соответствующее актуальному состоянию. Второй уровень касается религиозной оценки и самооценки, прежде всего как и какими средствами себя характеризует, например, группа или организация, а также близкие к ней конфессиональные группы, при необходимости должно уясняться и мнение иноконфессиональное и инорелигиозное. Третий уровень – собственно экспертная оценка с использованием собственных методов, без их подмены сведениями второго уровня – например, данными из области сравнительного богословия. Сумма сведений, полученная из, например, заключения квалифицированных богословских комиссий, формирует основание для перехода деятельности эксперта на третий уровень.

Сложным и открытым вопросом является набор методов третьего уровня. Состояние современной науки делает доступным целый веер ме-

тодов лингвистического и вообще семиотического характера. Психологическая (и патопсихологическая) лингвистика развиты сейчас очень хорошо, так что, например, констатация агрессии или признаков, указывающих на проблемное психическое состояние автора текста, могут производиться эффективно, с применением аппарата математической лингвистики, а не на традиционном уровне «мне кажется».

Равным образом в методологии экспертизы мало востребована современная социология с ее возможностями анализа деятельности как одного человека, так и группы. Возможность учета очень большого количества параметров оценки и контент-материала в данный момент существенно превышает то, что было еще лет 25 тому назад.

Существенной, но недостаточно проработанной частью религиозной экспертизы является оценка источниковой базы исследования. Отчасти это связано с тем, что методы источниковедческого анализа в экспертной деятельности применяются специалистами в области научного изучения религии зачастую непоследовательно, с этим связаны крайности не критического восприятия источников, с одной стороны, и гиперкритицизм – с другой. Проблема источниковедческой критики в современном религиоведении носит системный характер и требует решения на концептуальном уровне. Очевидно, что необходимы такие источниковедческие методики, которые учитывают религиозную специфику анализируемого материала. За стыдливыми заявлениями об использовании «общегуманитарной методики источниковедческого анализа» скрывается именно отсутствие системы, поскольку о возможности «общегуманитарной методики» говорить на серьезном уровне невозможно – подобные клише не более чем маскируют пустые рамочные понятия.

Мы полагаем, что в основе методологии источниковедческой критики, применяемой в экспертной деятельности религиоведами, должны быть следующие уровни:

1. Проверка надежности источника, включающая выявление в тексте источника лагун, искажений, порчи текста и прочих модификаций текста, влияющих на его содержание. Для этого необходимо использовать методы текстологии. Может возникнуть необходимость в палеографическом исследовании текста, использовании данных библиографического анализа и т. д.

2. Проверка корректности используемых переводов иноязычных текстов, выявление в переводах священных текстов конфессионально маркируемых положений, отсутствующих в тексте оригинала, оценка влияния на перевод конфессиональной герменевтики. При этом необходимо учитывать, что, анализируя используемый в конкретной общине или конфессии переводной источник, эксперт должен учитывать, что для массового религиозного мировосприятия вопрос корректности переводов является несущественным. Верующие зачастую не делают различий между переводом священного текста и его оригиналом, распространяя на перевод те свойства и качества, которые теологи приписывают именно оригиналу.

3. Анализ репрезентативности источника. Для этого необходимо ориентироваться как на вероучение соответствующей конфессиональной общности, так и на фактическую ситуацию в конкретной (конкретных) общинах. Часто имеет место ситуация, когда верующие не воспринимают теологически нормативный источник в качестве такового или, напротив, наделяют нормативностью тексты апокрифические, псевдонимные, существенно искаженные. Эксперту необходимо четко представлять, что именно является предметом экспертного анализа: вероучение религии (конфессии) или конкретной общины. Кроме того, учитывая сложную конфессиональную стратификацию многих религий, эксперт должен весьма осторожно делать обобщения типа «согласно христианскому пониманию...» или «Исламу свойственно». Кроме того, анализ репрезентативности источника предполагает оценку ареала его распространения с учетом того, что оценка авторитетности источника может варьировать в зависимости от ситуации на местах. Оценивая репрезентативность источника, эксперт должен ответить на ряд вопросов, среди которых наиболее актуальными, с учетом поставленной перед ним задачи, могут быть:

- Каков статус источника с точки зрения конфессиональной теологии (разумеется, при наличии таковой)?
- Имеется ли специфика в восприятии и оценке данного источника в конкретной общине?
- Каково восприятие данного источника религиозными лидерами? Отражает ли он их религиозные взгляды?
- Существуют ли различные редакции источника или его перевода? Какова специфика их использования?

Отвечая на эти вопросы, эксперт оценивает степень репрезентативности источника для целей исследования.

4. Оценка источниковой базы исследования. В том случае, если для ответа на поставленный перед экспертом вопрос необходимо задействовать не один источник, но комплекс источников, при том, что все существующие источники задействовать невозможно, эксперту необходимо обосновать правила отбора источников для исследования. Среди таких критериев могут быть, помимо надежности и репрезентативности, соответствие локальной специфике (например, популярность источника в конкретной общине), полнота охвата (совокупность источников должна отражать и существующие в религиозном сообществе различные точки зрения и оценки, кроме того – тенденции религиозности, обусловленные социальной, возрастной, общекультурной, гендерной, политической и т. д. стратификацией религиозного сообщества).

Текстологические темы органически связаны с социологическими и социально-психологическими. Религиозная реальность, становящаяся объектом экспертного суждения, почти всегда является сообществом того или иного рода. Здесь вынесение оценок немыслимо без квалифицированного социологического суждения. Это относится:

- к типологии групп и особенностей группового поведения;
- к морфологии групп;
- к специфике мировоззрения, ценностей, предпочтений и т. п.;

- к способам руководства и влияния, начиная от определения прямого и откровенного руководства до скрытого, косвенного и маскированного.

В первом случае, помимо системно-структурного анализа, ценным является анализ рефлексологического типа, выявление уровня внушаемости, индуцируемости, тревожности, страха, общей картины эмоционального состояния и динамики ее смены – как в целом, так и в плане определения тренда этой динамики. Следует быть готовыми ко всем видам социальной мимикрии, использования не только семиотических средств, но и уже существующих социальных структур для действия под их прикрытием и их силами, их социальными резервами. Еще одна особенность – разведение разных функций, соединенных в деятельности группы. Так, каритативная деятельность вполне может соседствовать с миссионерской, а не быть чистой маскировочной иллюзией. Поведенческий анализ при необходимости может дополняться судебнопсихологическими и судебнопсихиатрическими заключениями (например, в случае массовой паники или агрессии, которые могут иметь черты массовых психозов). Такая междисциплинарная ориентация в ситуации современной мультидисциплинарности и узкой специализированности не только нормальна, но и неизбежна.

Отдельный аспект оценки деятельности – ее деструктивная организация и ориентация. Деструктивность стараются иметь в виду при экспертной оценке уже давно, но наблюдается дефицит четкого определения и описания методов деструкции, целей, делающих применение деструкции необходимым. Наибольшая расплывчатость наблюдается при попытке применения «культурологических» оценок, что отчасти связано со спецификой культурологических исследований как таковых. Концептуальные черты социальной деструктивности на данный момент определены достаточно хорошо, но перенесение деструктивности в культурную сферу порождает массу неясностей, начиная с изначального принципиального вопроса: чем обусловлено вынесение культуры за пределы поля социальных явлений вообще? В результате «враждебность традиционной культуре» как важный критерий оценки уже давно применяется, но четкого, однозначного и верифицируемого наполнения чаще всего нет (как нет и единого определения культуры, культурологические школы все больше увеличивают их список). Мультикультуральная модель продемонстрировала низкую эвристичность.

Очевидно, что при оценке деструктивной деятельности религиозной организации эксперт должен ориентироваться на нормы Федерального закона от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ (ред. от 02.12.2019 г.) «О свободе совести и о религиозных объединениях», ст.14. Хотя данная статья и не содержит словосочетание «деструктивная деятельность», однако перечисленные в ней основания для ликвидации религиозных организаций в судебном порядке весьма точно соответствуют понятию «деструктивность». Это:

- принуждение к разрушению семьи;
- посягательство на личность, права и свободы граждан;

- нанесение установленного в соответствии с законом ущерба нравственности, здоровью граждан, в том числе использованием в связи с их религиозной деятельностью наркотических и психотропных средств, гипноза, совершением развратных и иных противоправных действий;
- склонение к самоубийству или к отказу по религиозным мотивам от оказания медицинской помощи лицам, находящимся в опасном для жизни и здоровья состоянии;
- воспрепятствование получению обязательного образования;
- принуждение членов и последователей религиозного объединения и иных лиц к отчуждению принадлежащего им имущества в пользу религиозного объединения;
- воспрепятствование угрозой причинения вреда жизни, здоровью, имуществу, если есть опасность реального ее исполнения или применения насильственного воздействия, другими противоправными действиями выходу гражданина из религиозного объединения;
- побуждение граждан к отказу от исполнения установленных законом гражданских обязанностей и совершению иных противоправных действий.

Мы полагаем, что ориентирование на перечисленные признаки позволит избежать субъективности и защитит эксперта от возможных недобросовестных утверждений в предвзятости, при помощи которых апологеты деструктивных религиозных групп часто пытаются дискредитировать неблагоприятные для них экспертные заключения. Следует учитывать, что деструктивность следует отличать от экстремизма и фундаментализма [1].

Изучение морфологии предполагает умение выявлять особенности морфологических структур и в тех случаях, когда они неявны и даже специально замаскированы. Такие поиски должны опираться прежде всего на социологические методы и производные от них методики.

Параметры оценки мировоззрения, предпочтений и т. п. следовало бы оценивать как коллективные, избирательные, присущие отдельным индивидам, втянутым в деятельность группы, фрагментированных частей группы. Необходимо более четкое разделение стратификационных различий мировоззрений и ценностей, что и создает тот «эзотерический разрыв», который часто упоминается в религиозно-ведческих изданиях, особенно так называемых сектоведческих. Именно этот разрыв создает условия для манипуляторных влияний и структурирования манипулируемых видов поведения.

Руководство и влияние может более или менее последовательно использовать все удобные свойства как отдельных людей, так и группы в целом. Как средства прямого или вспомогательного и косвенного влия-

ния должны рассматриваться тексты (включая зафиксированные законодательно одобренными методами разговоры), предполагая и все приемы внушения и индукции, возможное использование физических методов влияния, использование препаратов или пищи, облегчающей влияние и видоизменение личности. Речь может идти и об экзотических продуктах.

Особо следует отметить экспертные трудности, связанные с решением вопросов о наличии в текстах, представленных на экспертизу, высказываний, направленных на унижение, оскорбление верующих какой-либо конфессии. Отвечая на подобные вопросы, эксперт оказывается в заведомо уязвимом положении, поскольку понятие «оскорбление» во многом носит субъективный характер.

Вопрос о соотношении объемов понятий «оскорбление» и «унижение» может быть осуществлен на основе норм ст. 5 КоАП РФ, которая трактует оскорбление как унижение чести и достоинства. Отвечая на подобные вопросы, эксперт должен:

- оценить модальность высказывания,
- проанализировать контекст высказывания,
- выявить наличие нем пейоративной лексики,
- оценить его аргументированность и степень достоверности,
- оценить возможную реакцию верующих на данное высказывание.

Для решения вопроса о наличии в текстах, представленных на экспертизу, высказываний, направленных на унижение, оскорбление верующих какой-либо конфессии, эксперту следует использовать данные неколичественного контент-анализа [2, с. 14], которые позволят сделать вывод о том, являются ли потенциально оскорбительные сентенции случайными или они воспроизводятся в анализируемом тексте системно. В случае их повторяемости вероятность наличия прагматики оскорбить иноверцев значительно усиливается.

Следует учитывать, что религиозный дискурс обладает своими особенностями. В силу его специфики лексика, не имеющая оскорбительного значения в дискурсе разговорно-бытового общения, может оказаться оскорбительной в религиозном контексте. Поэтому отсутствие пометы «бранное», «уничижительное» и подобной в общезыковом словаре в данном случае не может рассматриваться в качестве решающего аргумента.

Для того чтобы быть объективным в своих выводах, эксперту недостаточно на профессиональном уровне обладать религиозноведческими компетенциями. Ему необходимы хорошие знания в области теологии, в том числе сравнительной, владение методами научного анализа текстов, умение корректно совмещать этический и эмический подходы.

Список литературы

1. Головушкин Д.А. Фундаментализм: проблема дефиниций, измерений и векторов // Экспертная деятельность в сфере гуманитарных наук: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. «Экспертная

- деятельность в сфере гуманитарных наук» Санкт-Петербург, 22–23 марта 2019 г. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2019. С. 130–136.
2. Пашиян И.А. Контент-анализ как метод исследования: достоинства и ограничения // Научная периодика: проблемы и решения. 2012. № 3 (9). С. 13–18.
  3. Семенова А., Евстифеев Д. Судный день для саентологов. Московских саентологов ликвидируют по решению суда. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2015/11/23/7911137.shtml> (дата обращения: 20.02.2020 г.).
  4. Сулейманов Р. Травля неугодных религиоведов в России: о конференции «Религия и насилие» в Казани. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=35660>. (дата обращения: 20.02.2020 г.).

TO THE QUESTION OF METHODOLOGICAL SUPPORT OF RELIGIOUS EXPERTISE

V.Y. Lebedev*, A.M. Prilutskij**

*Tver State University, Tver

**Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

Expertise in the field of religions in modern Russia is a new direction in expert activity. This explains the lack of a developed theoretical and methodological basis for this examination. As a result, expert opinions often depend on subjective preferences and various influences, and the examination itself loses its objectivity. The phenomenon of the «war of expertise» arises, from which the authority of experts and the entire scientific field suffers. This article discusses the issues of improving both expert research and source criticism. The authors propose to carry out a multi-level source study in accordance with the specifics of religious material. The article proposes and substantiates the method of complex research, based on data from scientific religious studies and the sociology of religions. Also, the article analyzes the criteria of destructiveness in relation to the activities of religious organizations.

Keywords: *religion, examination, source study, legal religious studies, destructive activity.*

Об авторах:

ЛЕБЕДЕВ Владимир Юрьевич – доктор философских наук, профессор кафедры теологии Института педагогического образования ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: semion.religare@yandex.ru

ПРИЛУЦКИЙ Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и религиоведения, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург. E-mail: Alpril@mail.ru

Authors information:

LEBEDEV Vladimir Yurievich – PhD, Assoc. Professor, Professor of the Department of theology, Institute of pedagogical education and social technologies, Tver State University, Tver. E-mail: semion.religare@yandex.ru

PRILUTSKII Alexander Mikhailovich – PhD, Professor, Professor of the Department of sociology and religious studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, St.-Petersburg. E-mail: Alpril@mail.ru